

А.И. Тюменев

**Очерки экономической и
социальной истории Древней
Греции**

Том 1. Революция

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.И. Тюменев**
Очерки экономической и социальной истории Древней Греции: Том 1. Революция / А.И. Тюменев – М.: Книга по Требованию, 2019. – 237 с.

ISBN 978-5-458-06739-3

ISBN 978-5-458-06739-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

долгая бесцветная жизнь средневековых коммун. И вот, при сравнении судьбы тех и других, невольно возникает вопрос, почему, несмотря на все внешнее могущество и на высоко развитую культуру, античному миру суждено было погибнуть так трагически и печально, не оставив даже после себя культурных наследников, тогда как средневековые городские коммуны, ведшие скромное замкнутое существование и не оставившие после себя заметных следов в литературе, ни в истории мысли, положили начало современной буржуазной культуре, далеко опередившей в своем развитии культуру античного мира. Это казалось настолько непонятным и неестественным самим идеологам новой буржуазии, вышедшей непосредственно из средневековых городов, что они отреклись от всякого родства с этими последними и, осудив средние века, как эпоху беспросветного мрака и невежества, создали легенду о возрождении, согласно которой древний мир после тысячелетнего небытия, подобно фениксу, возродился снова, чтобы послужить исходным пунктом развития культуры нового времени. Еще Курпиус не успел освободиться от такой чрезмерной идеализации древности, и его написанная в приподнятом почти эпическом тоне „Греческая история“ представляет в сущности, не столько исторический труд, сколько панегирик, вышедший из-под пера восторженного поклонника античного мира и античной красоты. Недаром его повествование по замечанию Виламовица, „исполнено какой-то элегической грусти“ по утраченной красоте“.

Впрочем Курпиус оказался едва ли не последним представителем такого восторженного и, если можно так выразиться, неисторического отношения к древности. Сильно подвинувшееся за последнее время изучение

культурной жизни, то последняя представляла во всех отношениях, как известно, лишь слабое повторение и плохую копию культурной жизни Греции.

социально-экономических условий античной жизни, не только рассеяло последние иллюзии и сделало возможным и даже обязательным более объективное отношение к античному миру, но и дает нам верный критерий при выяснении причин как быстрого расцвета так и крушения античной культуры.

И, например, имевшее место в последнее время всестороннее изучение условий существования Римской империи привело уже исследователей почти к единогласному признанию той роли, какую сыграли при этом экономические причины прежде всего тот процесс разложения, который постепенно охватывал область экономической и социальной жизни империи. В настоящее время и изучение экономической жизни древней Греции подвинулось уже достаточно далеко, чтобы могла быть предпринята, по крайней мере, попытка поставить в связь судьбу Греции с условиями, ее экономического развития и таким путем устранить и то отмеченное выше недоразумение, которое подало повод к преувеличенной оценке значения античной культуры для современности. Такую попытку и представляет предлагаемая работа.

Само собой разумеется, что, ставя перед собой столь обширную задачу, автор не считал возможным основывать свое изложение на всестороннем и исчерпывающем критическом изучении всего того необозримого материала какой представляется в настоящее время исследователю и объем которого увеличивается с каждым годом. Предлагаемая работа носит, поэтому, характер не столько исторического исследования, сколько, именно, „очерков“, представляя собою не более, как попытку, при помощи частью уже достигнутых научных результатов, частью собственных специальных экскурсов, реконструировать в виде единого органического целого общую картину экономической и социальной жизни древней Греции

При этом автор считает необходимым

оговориться, что принимает за начало собственно греческой истории, а следовательно, и своего изложения, гомеровскую эпоху совершенно оставляет в стороне всю предшествовавшую так называемую критско-микенскую культуру. Последняя не только имела свою особую, закончившуюся, повидимому, катастрофически судьбу, но и по самому характеру своему стояла значительно ближе к культурам древнего Востока, нежели классической Греции, и, например, в новых изданиях (1909 и 1913 г.г.) первого тома своей "Истории древности" Мейер считает необходимым рассматривать критско-микенскую культуру, именно, в связи с культурами древнего Востока ². Что же касается возможного влияния этой культуры на явившиеся ей на смену греческие племена, то вопрос о степени последнего представляется, во всяком случае, спорным и, насколько можно судить по находящимся в нашем распоряжении данным, такое влияние едва ли могло быть особенно значительным. Поскольку же оно и имело место, это нашло себе отражение и в гомеровском эпосе ³. Поэтому автор и считает себя в праве, оставаясь на твердой исторической почве и не вдаваясь ни в какие гипотетические построения, принимать за исходный пункт своего изложения исторического развития Греции время сложения гомеровского эпоса, т.-е. X — IX века до начала нашей эры.

В заключение автор считает своим долгом выразить искреннюю признательность глубокоуважаемому С. А. Жебелеву за сочувственное отношение к его работе и, в частности, за ценные

² Dussaud (Les civilisations prehelléniques dans le bassin de la mer Egée, Paris. 1910.), как видим, прямо называет эгейскую культуру до-греческой.

³ Cauer, Grundfragen der Homerskritik, Leipzig 1895, IV Buch, 2 Kapitel: Kulturstufen, S. 168 ff. Вопрос об отношении эпоса к эгейской культуре специально трактуется также в исследовании Döring'a Homer, 1903.

Очерки экономической и
социальной истории Древней Греции.

Предисловие

указания и советы по затрагиваемым в ней вопросам.

Февраль 1917 года.

Р. С. Настоящие „Очерки“ были вполне закончены еще в начале 1917 года. Но наступившие после того события не дали возможности тогда же приступить к их изданию. И в настоящее время, ввиду переживаемого кризиса печатного дела, приходится выпускать „Очерки“ не полностью, а частями, ограничиваясь пока изданием первого тома, составляющего едва четвертую часть всей работы. Декабрь 1919 года

ВВЕДЕНИЕ. ГОМЕРОВСКАЯ ГРЕЦИЯ И ГОСПОДСТВО ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО КЛАССА.

Гомеровскую эпоху в последнее время часто называют „эпохой греческого средневековья“⁴. Поскольку этим названием хотят подчеркнуть аналогию социального строя, изображенного в Гомеровском эпосе, с условиями социальной и политической жизни германских племен в эпоху раннего средневековья, постольку, оставляя в стороне ошибочность и доказанную непригодность этого термина, нельзя не признать, что обозначение времени сложения греческих эпических поэм, как эпохи греческого средневековья, имеет под собою некоторое основание. Если отсутствие документальных данных из древнейшего периода греческой истории и неясность и неполнота сведений, сообщаемых Илиадой и Одиссеей о современном им социальном и политическом строе, и не дают возможности провести указанную аналогию с большей или меньшей полнотой, то все же мы встречаем много аналогичных черт, сближающих между собою эти две столь отдаленные одна от другой эпохи ⁵. Впрочем, если

⁴ PohImann, Aus dem hellenischen Mittelalter (Aus Alterthum und Gegenwart), Miinchen 1895, S. 149 — 195; Meyer, Geschichte dee Alterttiums, B. II, Stuttgart 1893, § 190 ff. Cp. Guiraud, La propriete tonciere en Grece, Paris 1893, p. 117 — 118; Бузескул, История Афин ской демократии, Спб. 1909 г., стр. 4 — 5; М. Хвостов, История Греции, изд. 2-ое, Казань 1917 г., гл. 8 и 9.

⁵ Интересно отметить при этом, что даже внешние обстоятельства появления германцев в Европе и греков на Балканском полуострове не лишены известного сходства. И те и

бы таких черт было еще менее, мы все же имели бы основание заключать о сходстве этих двух эпох уже из одного того, что как греки времен гомеровского эпоса, так и германцы в эпоху, последовавшую за переселением народов, переживали одну и ту же хозяйственную эволюцию⁶.

Эволюция эта заключалась прежде всего в том, что охота и скотоводство постепенно утрачивали значение главных источников существования, какое они имели в период племенного быта или в т.-н. героический период истории, между тем как земледельческое хозяйство все более приобретало значение первенствующего фактора экономической жизни. В эпоху сложения Илиады, которая, по крайней мере, в главных своих частях древнее Одиссеи, скотоводство и

другие явились в качестве завоевателей, разрушивших предшествовавшую культуру. При этом греки могли позаимствовать от своих культурных предшественников еще менее, нежели германцы, так как, с одной стороны, эгейская культура стояла, сравнительно с римской, на несравненно низшей ступени развития, с другой же стороны, как показывают критские раскопки, и эта культура была уничтожена греческими пришельцами гораздо основательнее, нежели римская германцами. Самые центры эгейской культуры в большинстве погибли во время переселения греков с тем, чтобы уже более не возродиться. Центр тяжести исторической жизни вместе с этим также переместился на Север, и остров Крит, являвшийся до того областью, где эгейская культура достигла наивысшего развития, в историческую эпоху был едва ли не одной из самых отсталых областей Греции. Точно также и сравнение быта гомеровской Греции с картиной жизни эгейской эпохи, какую мы можем себе представить на основании данных раскопок, помимо отдельных чисто внешних черт, показывает нам, что в общем ни о какой более или менее близкой аналогии, не говоря уже о тождестве, между гомеровским обществом, находившимся в стадии перехода от племенного быта к оседлому, и деспотическими монархиями, какими, повидимому, были государства эгейской эпохи, не может быть и речи.

⁶ Интересную аналогию между обстоятельствами и временем сложения гомеровских поэм и германских героических песен VII — VIII в.в. приводит Chadwick в своей книге *The heroic age*, 1912.

охота составляли еще не менее важный источник существования, нежели земледелие, и поэт особенно охотно пользуется, именно, сценами из пастушеской и охотничьей жизни для своих поэтических образов и сравнений. Напротив, ко времени составления Одиссеи земледельческая культура сделала, повидимому, уже настолько значительные завоевания, что во второй гомеровской поэме представляется главным родом производительной деятельности. Одиссей бросает по адресу циклопов, изображаемых в поэме в виде пастушеского народа, упрек в том, что они не сумели воспользоваться преимуществами плодородной почвы для насаждения пышной земледельческой культуры:

Дикий тот остров могли обратить бы в цветущий циклопы.
Он не бесплоден; там все бы роскошно рождалось к сроку;
Сходят широкой отлогостью к морю луга там густые
Влажные, мягкие; много б везде разраслось винограда,
Плугу легко покорясь, поля бы покрылись высокой
Рожью, и жатва была бы на тучной земле изобильна⁷.

Развитие земледелия ушло настолько вперед, что сделало возможным возникновение даже крупного земледельческого хозяйства. Уже в Илиаде, среди сцен, изображенных Гефестом на щите Ахиллеса, одна представляет картину земледельческих работ в таком крупном поместье, взятую прямо с натуры:

Далее выделал поле с высокими нивами; жатву
Жали наемники, острыми в дланях серпами сверкая,
Здесь полосой непрерывною падают горсти густые,
Там перевязчики их в снопы перевязлами вяжут.
Три перевязчика ходят за жнищами; сзади их дети,
Горстая быстро колосья, одни за другими в охапах
Вяжущим их подают. Властелин между ними безмолвно,
С палицей в длани, стоит на бразде и душой веселится⁸.

Другой пример такого крупного хозяйства представляет. поместье отца Одиссея, Лаерта, лично

⁷ Одиссея, IX, ст. 130 — 135, перевод Жуковского.

⁸ Илиада, XVIII, 550-555 (перевод Гнедича) ср. XI, 67-69.

руководящего всеми полевыми работами⁹

Но как ни импозантна эта картина обработки полей в помещичьем хозяйстве гомеровской эпохи, все же она далека от того представления о крупном, чуть ли не капиталистическом хозяйстве, какое рисуется при этом в воображении Пельмана¹⁰. В сущности, это обычная картина крупного натурального хозяйства. Экономическая деятельность в это время отнюдь еще не носит характера предприятия. "Единственные ценности в обществе — продукты для непосредственного потребления и труд для непосредственного приложения.

Хозяйство гомеровского общества — чисто натуральное хозяйство¹¹. Натурально-хозяйственные отношения, как естественное последствие перехода к индивидуальному земледельческому хозяйству, являются всецело господствующими во всех слоях гомеровского общества. При этом крупное хозяйство еще более даже, нежели мелкое земледельческое, имело возможность удовлетворять все свои необходимые потребности домашними средствами. Идиллическую картину жизни в доме царя Алкиноя можно назвать, именно, классическим образцом крупного натурального хозяйства.

Дом царя представляет, что называется, полную чашу. Сзади дворца находился обширный сад со множеством плодовых деревьев, яблонь, груш, гранат, смоковниц, маслин; за садом следовали виноградники, доставлявшие домашнее вино, наконец, огороды, с которых „овощь и вкусная зелень весь год собирались обильно". В доме работало 50 „рукодельных" рабынь, молотивших, рожь, прявших и ткавших¹². Таким образом,

⁹ Одиссея, XXIV, 206-207, 226-233; ср. XVIII.366-376.

¹⁰ Poh1mann, Aus Alterthum und Gegenwart, S 180.

¹¹ Петрушевский, Общество и государство у Гомера, изд. 2-ое, М. 1913 г., стр. 31-32.

¹² Одиссея, VII, 103 и сл.; ср. Francotte, L'industrie dans la Grece ancienne, Bruxelles 1900, vol. I, p. 265 suiv.

все необходимое: овощи, хлеб, вино, оливковое масло, одежда, даже ковры и покровы на лавках — заготавливалось в собственном хозяйстве при ближайшем участии самих хозяев дома. Одиссей при входе во дворец Алкиноя застаёт у „ярко блестящего очага" жену царя, Арету, прядущей в кругу приближенных служанок „тонкопурпурные нити" ¹³. Но не только хозяйка дома, что было обычно и в позднейшей Греции, а нередко и мужчины, до царей и царских сыновей включительно, принимали ближайшее и притом личное участие в хозяйственной деятельности. Царей и царских сыновей можно в это время застать, например, за плугом или на пастбище пасущими свой скот или занятых какими-либо домашними поделками, причем в занятии ремеслом они обнаруживают и большую разносторонность, и большое искусство. Царь Одиссей, например, одинаково умеет сработать себе и искусно сделанную кровать, обнаруживая при этом познание самых различных отраслей ремесла ¹⁴, и срубить плот для продолжения плавания на море ¹⁵. Презрение к труду, как к рабскому занятию, получившее среди позднейших греков такое широкое распространение, в гомеровскую эпоху, очевидно, еще не имело места. Самый труд рабов применялся в это время еще в сравнительно незначительных размерах (даже во дворцах царей насчитываются лишь десятки рабов и рабынь) и употреблялся только исключительно на обслуживание домашних нужд и потребностей. При том непосредственно близком участии, какое принимали в

¹³ Одиссея, VI, 306. Насколько крупных размеров могло достигать такое хозяйство, показывает, например, хозяйство Приама, с которым жили неотделенными пятьдесят женатых сыновей и двенадцать замужних дочерей (Илиада, VI, 243), или хозяйство Нестора (Одиссея, III, 400).

¹⁴ Одиссея, XXIII, 189 и сл.

¹⁵ Одиссея, V, 243 и сл. Другие примеры см. Riedenauer, *Hand-werk und Handwerker in den Homerischen Zeiten*, Erlangen 1873, S. 20 — 21. 5) Одиссея, VI, 100; ср. XXI, 214 — 216.

хозяйственной деятельности нередко сами хозяева дома, естественно, что в рабах видели скорее помощников, нежели подчиненных исполнителей чужой воли. Недаром, поэтому, между рабами и их хозяевами могли устанавливаться в это время близкие, даже дружеские отношения, как, например, между Одиссеем и Евмеем или между Навсикаей и сопровождавшими ее рабынями, с которыми она затевает игру в мяч.

Из господства натурально-хозяйственных отношений вытекало то особенно существенное для понимания всей последующей экономической истории Греции обстоятельство, что еще в гомеровскую эпоху, т. е. в IX и даже VIII веках, роль промышленности в общественной жизни могла быть лишь самой ничтожной, вследствие чего и ремесло в это время не получило сколько-нибудь заметного развития ¹⁶. Разумеется, и в это время не все предметы могли быть изготавливаемы домашними хозяйственными способами. Иногда приходилось прибегать и к услугам специалистов-ремесленников, но делалось это только в крайних, исключительных случаях, когда требовалось какое либо особое специальное знание или специальные инструменты, как, например, при изготовлении оружия или глиняной посуды. В Илиаде и Одиссее из специалистов-ремесленников упоминаются только кузнецы-оружейники (χαλκεῖς), гончары (κεραμεῖς), плотники (τεχτονεῖς), кожевники (στυτομοί). Ремесленные профессии, роды ремесла были, таким образом, крайне немногочисленны, да и самая обстановка, в которой работали ремесленники, соответствовала общей картине патриархального быта, какую представляла гомеровская Греция. Ремесленник работал обычно не в собственной мастерской, но странствовал из дома в дом, получая материал от

¹⁶ Ср. Riedenauer, Handwerk und Handwerker in den Homerischen Zeiten, Erlangen 1873.